

*Е.А. Прусская**

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ИМПЕРИИ И ХАДЖ XIX-XX вв.:
О КНИГЕ ЛЮКА ШАНТРА**

Эссе представляет собой развернутую рецензию на книгу французского исследователя Люка Шантра «Паломничество империй: европейская история паломничества в Мекку», вышедшей в 2018 г. Историкография хаджа в силу глобальности и разносторонности этого процесса, обширна, причем колониальный период освещен достаточно хорошо, особенно в литературе последнего десятилетия, что связано во многом с переосмыслением исследователями истории империй в свете новейших подходов. Монография представляет собой исследование в русле *histoire croisée*, позволяющее взглянуть на историю европейского колониализма и процессов национального подъема на территории Ближнего Востока и Магриба через центральную проблему мусульманского паломничества. Работа основана на компаративном подходе к истории хаджа в эпоху империализма на стыке дипломатической и колониальной истории, в фокусе автора, хотя и оказывается, прежде всего, Франция, однако существенное внимание в книге уделено и Британской империи, Италии, в меньшей степени России, Нидерландам, Испании, а также упоминаются Германия и Австро-Венгрия.

Ключевые слова: колониализм, история империй, мусульманский мир
Благодарности

Работа выполнена по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Цитирование: Прусская Е.А. Европейские империи и хадж XIX-XX вв.: о книге Люка Шантра. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-432-443 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 432-443.

Поступила в редакцию 20.07.2020

Принята к печати 27.07.2020

* *Евгения Александровна Прусская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, , старший научный сотрудник, доцент ГАУГН, prusskaya@gaugn.ru*
Evgeniya Prusskaya, PhD, senior researcher at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; lecturer at the State Academic University for the Humanities, prusskaya@gaugn.ru

Evgeniya Prusskaya

**EUROPEAN EMPIRES AND THE HAJJ IN
19-20 CENTURIES: ABOUT LUC CHANTRE'S BOOK**

The essay is a detailed review of the book of the French researcher Luc Chantre "Pèlerinages d'empire. Une histoire européenne du pèlerinage à La Mecque" (Paris, 2018). Due to the global nature and importance of hajj throughout history, the historiography of the Muslim pilgrimage is rich, and the colonial period of it is quite well covered, especially in the literature of the latter decades, which is largely due to the rethinking of the history of empires by researchers and the approaches of postcolonial theory. The monograph of Luc Chantre is a study in line with *histoire croisée*, allowing to look at the history of European colonialism and the processes of national rise in the Middle East and Maghreb through the central problem of Muslim pilgrimage. The work is based on a comparative approach to the history of the hajj in the era of imperialism at the junction of diplomatic and colonial history. Although the focus of the author is first of all on France the significant attention in the book is paid to the British Empire, Italy, to a lesser extent to Russia, the Netherlands, Spain with the mention of Germany and Austria-Hungary.

Keywords: colonialism, entangled history, history of empires

Acknowledgements

Research for this article was funded with the support of project № 14.Z50.31.0045 from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Prusskaya E. (2020) Evropejskie imperii i hadzh XIX-XX vv.: o knige Liuka Shantra [European empires and the hajj in 19-20 centuries: about Luc Chantre's book] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-432-443. *Annual of French Studies* 2020. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 432-443.

Submitted: 20.07.2020

Accepted: 27.07.2020

В эпоху Нового времени по мере расширения колониального проникновения на территории, населенные мусульманами, европейские державы сталкивались с необходимостью управления этими землями и интеграции мусульман в свое имперское пространство. Ключевым рубежом в этом процессе можно назвать

XIX в., когда было установлено либо прямое управление европейских государств на территориях, где ислам играл существенную роль (Нидерланды в Индонезии, Великобритания в Индии, Франция в Алжире), либо же были созданы протектораты, формально сохранявшие независимость и подчинявшиеся европейцам (Тунис, Бахрейн, Договорной Оман и т.д.). Кроме того, Россия, а также Австро-Венгрия с момента аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. (а фактически с ее оккупации 1878 г.), имели существенную по сравнению с другими державами того времени часть мусульманского населения внутри своих государственных границ.

Если изначально в XIX в. колониальный раздел территорий со значительной частью населения, исповедующего ислам, происходил преимущественно между Францией и Великобританией и касался, прежде всего, владений Османской империи, то на рубеже XIX-XX вв. в эту гонку активно включились Италия и Германия, хотя главными колониальными империями по-прежнему оставались первые две. Колониальный раздел Африки и Индокитая на рубеже XIX-XX вв. лишь укрепил их лидирующее положение.

Управление территориями с мусульманским населением осуществлялось европейскими империями по-разному, однако все они сталкивались с вопросом о том, какова должна быть позиция властей по отношению к ежегодному паломничеству своих подданных-мусульман в Мекку. Так как империи стремились контролировать этот процесс, сложилась парадоксальная ситуация: на протяжении почти столетия с середины XIX в. европейские власти отвечали за организацию мусульманского паломничества.

Этой интересной и противоречивой проблеме посвящена монография французского исследователя Люка Шантра «Паломничество империй: европейская история паломничества в Мекку»¹. В ней представлено именно европейское измерение хаджа: каким образом европейские империи участвовали в его организации для своих подданных и какие цели преследовали в разные периоды времени. Надо отметить, что историография хаджа в силу глобальности и разносторонности этого процесса обширна, причем колониальный период освещен достаточно хорошо, особенно в литературе последнего десятилетия, что связано во многом с переосмыслением исследователями истории империй в свете но-

¹ *Chantre L. Pèlerinages d'empire. Une histoire européenne du pèlerinage à La Mecque. P., 2018.* Далее ссылки на это издание даются в самом тексте статьи в круглых скобках.

вейших подходов. Опубликованы работы как по организации европейскими державами паломничества из отдельных регионов², так и исследования, посвященные другим вопросам, связанным с хаджем – инфраструктурой, санитарией и т.д.³. Шантр отмечает, что, тем не менее, историография имперского хаджа остается «фрагментарной», и использует в своей работе компаративный подход на стыке дипломатической и колониальной истории, предлагая глобальный взгляд на имперскую историю хаджа, длившуюся порядка ста лет. Книга основана на внушительном количестве архивных материалов из Франции, Великобритании, Италии и Туниса и представляет собой «большое полотно», поскольку в фокусе автора, хотя и находится, прежде всего, Франция, существенное внимание уделяется также Британской империи, Италии, в меньшей степени России, Нидерландам, Испании, а также упоминаются Германия и Австро-Венгрия. Книга состоит из тринадцати глав, охватывающих большой спектр проблем, поэтому в своем обзоре я выделю лишь ключевые моменты монографии.

С конца 1830-х гг. в Хиджазе стали появляться первые европейские консульства, которые координировали путешествия своих мусульманских подданных, однако они базировались в Джидде, и путь внутрь Аравийского полуострова к священным местам ислама им был закрыт. Первыми державами, организовавшими и спонсировавшими хадж для мусульманских элит, стали Россия и Франция в 1840-х гг. Для России это было важно для распространения своего влияния на Ближнем Востоке и обеспечения лояльности мусульман. Французы, беря как пример организацию паломничества Россией (с. 54), также организовали и финансировали первый хадж из Алжира с целью завоевания симпатий мусульман своей новой колонии⁴.

Бурное развитие транспорта и инфраструктуры в XIX в. произвело настоящую революцию в организации паломничества.

² *Mishra S.* Pilgrimage, Politics and Pestilence: The Haj from the Indian Subcontinent, 1860-1920. New Delhi, 2011; *Tagliacozzo E.* The Longest Journey: Southeast Asians and the Pilgrimage to Mecca. Oxford, 2013; *Kane E.* Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Cornell, 2015; *Slight J.* The British Empire and the Hajj. Harvard, 2015; *The Hajj and Europe in the Age of Empire.* Leiden; Boston, 2016.

³ См., например, сборник, в котором часть эссе посвящена разным аспектам хаджа в период колониализма: *The Hajj: Pilgrimage in Islam.* N.-Y., 2016.

⁴ О раннем этапе французского имперского хаджа см. *Прусская Е.А.* Хадж в североафриканских колониальных владениях Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. // ФЕ 2019. М., 2019. С. 172-188.

Паровой транспорт, в первую очередь морской, стал удобным и быстрым способом путешествия между континентами. Транспортная доступность делала возможным передвижение большего количества паломников (с. 65-66). Открытие в 1869 г. Суэцкого канала еще больше упростило их путь, и колониальные державы создавали транспортные компании, обеспечивавшие перевозку паломников (с. 160-170). В XX в. автомобильный и авиатранспорт также повлиял на пути хаджа и его организацию. Все это привело к тому, что паломничество стало доступно большим массам людей разного социального статуса.

Однако легкость и ускорение перемещения людей из разных стран в святые места и обратно имели серьезные последствия в медицинской сфере: эпидемии различных заболеваний стали так же быстро распространяться по миру. Шантр подмечает интересный момент: несмотря на то, что Османская империя была озабочена этим вопросом и даже создала медицинский совет, европейские державы мало доверяли ему, считая, что постоянные эпидемии в Хиджазе были связаны с отсталостью региона (с. 68). Автор называет такую позицию «медицинским ориентализмом». Только после 1865 г., когда пандемия холеры распространилась из южной Азии по территории Аравийского полуострова и через порты по всему Средиземноморью, Европе и в Новом свете, санитарный вопрос приобрел международное значение и привел к организации международных конференций, на которых обсуждались карантинные меры для предотвращения эпидемий.

Тем не менее, эти меры поддерживались не всеми державами. Британия отказалась следовать выработанным карантинным мерам из-за опасений недовольства своих мусульманских подданных (с. 74). Однако проблема эпидемий никуда не исчезла, и между европейскими державами развернулась настоящая «санитарная война», в частности между Францией, настаивавшей на усилении карантинных мер, и Британией, отрицавшей индийское происхождение эпидемии холеры 1865 г., и видевшей в карантинных ограничениях угрозу своим колониальным и торговым интересам. Эта борьба особенно усилилась после английской оккупации Египта в 1882 г. Несогласованность действий относительно санитарных мер, вызванная соперничеством держав и преследованием ими собственных политических интересов, привело к новым вспышкам холеры. Характерно, что в европейской прессе эпиде-

мия холеры стала ассоциироваться именно с Хиджазом и самим процессом паломничества, что приводило к антиисламским настроениям (с. 83). В то же время европейские державы пытались использовать вспышку холеры 1893 г. для политического давления на Османскую империю, превращая санитарный вопрос в политический инструмент.

Однако не только эпидемии, сопряженные с паломничеством, вызывали опасения у европейцев. Еще больше они боялись угрозы распространения панисламизма, ставшего государственной идеологией Османской империи при Абдул-Хамиде II (1876-1909), на подконтрольные им мусульманские территории возвращавшимися из хаджа паломниками. Не меньшее опасение вызывали и могущественные мусульманские братства (тарикаты), в частности Накшбандийа и Шадилийа, на которые опирался Абдул-Хамид, и набравшие силу Санусийа в Триполитании. При этом вступившая к концу XIX в. в колониальную игру Германия поддерживала панисламистские устремления османского султана и позиционировала себя как покровительницу мусульман (с. 106). В то же время Абдул-Хамид не только поощрял хадж, но и способствовал переселению недовольных колониальными властями мусульман в османские провинции. В результате, угроза панисламизма стала одним из обоснований дальнейшего колониального продвижения Британии и Франции в Северной Африке (с. 107) и определила их заинтересованность в покровительстве хаджу.

Одним из инструментов европейского влияния и контроля за хаджем были консульские учреждения на территории Хиджаза. Их задачей считалось обеспечение безопасности паломников, однако в реальности это было трудноосуществимо. Во-первых, влияние европейцев на полуострове было очень ограниченным. Работа в Джидде считалась в среде европейских дипломатов нелегкой, а само место службы плохим. Поэтому зачастую скучающие консулы, не имевшие доступа в Хиджаз, чтобы оправдать свою должность основывали свои отчеты на слухах и преувеличивали опасность, исходящую от панисламизма (с. 129). Одновременно они считали себя носителями справедливости и цивилизации, противостоящими окружающему «варварству» (с. 131). Во-вторых, главной угрозой караванам паломников, возникшей еще в давние времена, была угроза грабежа бедуинами, что вынуждало платить им за безопасный проход. Европейские консулы в Джидде регу-

лярно получали требования о возмещении убытков от ограбленных паломников, однако реального влияния на племена или местные власти они оказать не могли (с. 141).

Несмотря на соперничество держав, как показывает Шантр, им приходилось взаимодействовать и решать насущные вопросы, в первую очередь, санитарные, что привело в результате к новым формам международного управления и дальнейшему распространению европейского империализма (с. 182). После эпидемии холеры в 1893 г. международное сообщество стало более ответственно относиться к гигиене и профилактике распространения эпидемий: Британия смирилась с необходимостью карантинных мер после вспышки чумы в Бомбее в 1897 г. и даже впервые за все годы контроля над индийскими территориями отменила хадж своих мусульманских подданных (с. 175). В начале XX в. были усовершенствованы санитарные меры на Синае – перевалочном пункте для паломников, следовавших морским путем через Суэцкий канал. Постепенно меры по улучшению гигиены осуществлялись, хоть и медленно и не без сопротивления, в самом Хиджазе (с. 179-180).

Борьба с эпидемиями и желание контролировать паломников заставляли колониальные державы регламентировать правила хаджа и вводить паспорта, хотя в разных странах эти меры были реализованы по-разному (с. 147-156). Одни из наиболее жестких правил были приняты во французском Алжире: с середины XIX в. мусульманам, желавшим совершить паломничество, необходимо было получить согласие от колониальных властей, причем лицам, неугодным властям, в нем отказывали (с. 157). Как остроумно замечает Шантр, французский взгляд на паломничество предполагал «защиту паломника от самого себя» (с. 158). Подобные ограничения вызывали негативное отношение к Франции не только в Алжире, но и по всему миру ислама, а также вызывали поток нелегального паломничества и, в результате, были упразднены.

Процесс организации хаджа использовался европейскими державами, в первую очередь, как инструмент распространения своего влияния и конкуренции за влияние на Ближнем Востоке, что особенно заметно проявилось в период от начала Первой и до конца Второй мировых войн. С 1914 г., когда Османская империя оказалась врагом Антанты, контроль за паломничеством стал инструментом закрепления европейских держав в арабских владениях

османов, в том числе Хиджазе. Так, после арабского восстания 1916 г., европейские державы поощряли и организовывали безопасный хадж своих подданных в Хиджаз, чтобы установить там связи и оказать влияние на местную Хашемитскую династию. Характерно, что во французской Северной Африке мусульмане воспринимали паломничество 1916 именно как политическую игру, у которой не было религиозной ценности (с. 200).

Поскольку британцы сыграли основную роль в подготовке арабского восстания 1916 г., они в результате войны заняли ближневосточные территории Османской империи и приобрели там большое влияние. В итоге ежегодное количество паломников из британских владений превалировало во время хаджа в течение всего межвоенного периода. Послевоенный хадж 1919 г. был фактически «паломничеством из Индийского океана», тем более что король Георг V поощрил и даровал путешествие в Мекку и Медину индийским солдатам и офицерам, отличившимся во время войн (с. 214). Число паломников же из французских колониальных владений было малочисленным, что было обусловлено, в том числе, сложными отношениями Франции с Хашемитами.

Однако последние недолго оставались правителями Хиджаза. Хусейн соперничал с египетским королем Фуадом за звание халифа всех правоверных, фактически утерянное османским султаном с падением империи⁵, хотя подобные притязания правителя Хиджаза разделялись далеко не всеми в мире ислама (с. 223-224). Хашимитский правитель довольно быстро потерял поддержку Британии, и в результате войны с Ибн Саудом, лишился Хиджаза, который перешел к династии Саудидов с 1926 г.

Хотя европейские империи при организации паломничества всегда делали ставку на лояльность своих мусульманских подданных, политические цели европейских держав по распространению своего влияния в регионе путем организации паломничества стали совсем очевидны в Первую мировую войну. Как отмечает Шантр, в межвоенный период британцы старались вовлекать мусульманскую элиту Индии в организацию хаджа именно для того, чтобы он выглядел как религиозное мероприятие, а не политическое. Французская же администрация, наоборот, всячески старалась подчеркнуть свое участие в организации паломничества, причем в межвоенный период хадж вообще стал рассматриваться

⁵ Официально халифат был упразднен лишь в 1924 г.

ею как религиозный туризм для богатых мусульман (с. 279). По мнению Шантра, такое изменение в восприятии хаджа и фигуры паломника как простого путешественника, который платит деньги за комфортное передвижение, «в высшей степени была политической конструкцией, которая прекрасно отражает новый тип колониальных связей, возникших в межвоенный период» (с. 285). С одной стороны, французские власти обеспечивали своим подданным из Северной Африки суда для передвижения к Мекке с конвоем – для контроля за паломниками. С другой стороны, передвижение паломников из Алжира, бывшего частью Франции, и из протекторатов Туниса и Марокко на одном корабле было задумано властями как свидетельство *pac franca* – единства и мира во французских колониальных владениях (с. 296). Однако французы опасались связи своих африканских подданных с сирийскими и ливанскими националистами на подмандатных Франции территориях Ближнего Востока, ведь те выступали против французского присутствия и призывали к арабскому единству. Поэтому французские власти старались не допускать их контактов.

Организованный хадж под контролем французских властей критиковался в оппозиционной прессе, в частности в Алжире, за дороговизну и административные проволочки (с. 320). Как показывает Шантр, в эпоху подъема арабского национализма борьба мусульманских подданных за свою религиозную идентичность путем критики европейской организации хаджа была характерна как для Франции, так и для Британии, а сам хадж политизировался.

На противоречиях арабского мира с Британией и Францией пыталась сыграть фашистская Италия, которая со второй половины 1930-х гг., после разгрома повстанцев в Ливии, стала активно распространять свое влияние и пропаганду среди мусульман Ближнего Востока и даже спонсировала журналы на арабском языке (с. 328). Итальянская пропаганда активно продвигала идею о покровительстве мусульманам, а завоевание Эфиопии подавалось под лозунгом того, что итальянцы защищают мусульманское меньшинство населения страны (с. 332-333). Во время паломничества своих мусульманских подданных фашистская Италия пыталась продвигать в мусульманском мире идею о том, что в эпоху духовного кризиса в Европе фашизм – лучший союзник ислама, поскольку также имеет религиозную сущность (с. 333). Франкистская Испания, сотрудничавшая с Италией в организации па-

ломничества свих мусульманских подданных, также включилась в эту гонку за влияние в арабском мире. Так, хадж из испанской зоны Марокко в 1937 г. был организован по более низким ценам, чем из французской, и паломники из французского Марокко приглашались туда, что было воспринято Францией как провокация (с. 334). Шантр показывает, что перед Второй мировой войной итальянской пропаганде противопоставлялась французская контрпропаганда, а вскоре в эту пропагандистскую войну включились и другие страны «оси»: в 1939 г. немецкий консул в Ираке и японский консул в Египте посетили Хиджаз во время хаджа (с. 343).

Во время Второй мировой войны хадж продолжался, хотя в разные годы из-за боевых действий в нем участвовали паломники из разных регионов и общее количество их, безусловно, сократилось. Тем не менее, европейские государства продолжали использовать хадж в пропагандистских целях. Однако их влияние в регионе заметно ослабло, а голоса противников колониализма, напротив, усилились. Они звучали все громче в послевоенные годы, и организованный хадж все больше подвергался критике и во Французском союзе, и в британской южной Азии. Жители французских колоний прямо заявляли, что сами могут организовать паломничество без посредничества французов и провозглашали лозунги независимости (с. 379-385). В результате, французы объявили свободу хаджа, оставив практику организации контролируемого паломничества из каждой провинции и предоставив местной администрации возможность самой организовывать или не организовывать путешествие паломников, тем более что многие из мусульман предпочитали самостоятельное путешествие с помощью частных компаний.

Как показывает Шантр, Франция с большим трудом приходила к понимаю фактической потери своих колониальных владений и сохраняла иллюзию того, что организация и контроль хаджа необходимы (с. 416). По мнению автора, поворотным моментом в окончательном крушении европейского влияния в эпоху начавшейся деколонизации и «холодной войны» стал 1956 г. – год Суэцкого кризиса, после которого Британия и Франция уже не могли претендовать на возвращение своего лидирующего влияния в регионе.

Итак, Шантр выделил главные особенности «колониального хаджа», которые появились именно в имперскую эпоху и были

связаны с развитием транспорта и инфраструктуры, а также желанием европейских держав контролировать своих мусульманских подданных: система виз, организация транспортных средств для передвижения паломников и санитарный вопрос (профилактические, карантинные меры и вакцинация). Таким образом, в эпоху империализма паломник превратился в контролируемого путешественника, что вызывало волну неофициальных паломничеств в обход бюрократизма организованного хаджа.

Монография Шантра представляет собой исследование в русле *histoire croisée*, позволяющее взглянуть на историю европейского колониализма и процессов национального подъема на территории Ближнего Востока и Магриба через проблему мусульманского паломничества. Автор прекрасно показал, как этот важный процесс использовался европейскими державами, а в XX в. и арабскими государствами для утверждения своего влияния в регионе и какие методы для этого ими применялись. Большой временной и географической охват исследования (повествование автор начинает с конца XVIII в. и заканчивает эпохой деколонизации), с одной стороны, позволяет рассматривать эту книгу, содержащую информативные таблицы и карты, как своеобразную энциклопедию имперского хаджа, с другой – упускает конкретизацию некоторых процессов, несмотря на заявленный компаративный подход. Так, паломничество из Австро-Венгрии упомянуто лишь вскользь. Хадж из России и СССР рассматривается не на всем временном промежутке, так же как и из голландских колоний. Вопрос о паломничестве из подмандатной британцам Палестины раскрыт менее подробно, чем из подмандатных французам Ливана и Сирии. Практически ничего не сказано о хадже из аравийских протекторатов Британии. Однако такие «белые пятна» и определенная недосказанность, вероятно, неизбежны при столь широком взгляде на проблему. Кроме того, автор, очевидно, отталкивался, в первую очередь, от материалов использованных им архивов и старался избегать повторения уже изученных в историографии аспектов колониального хаджа. В целом же, монография Шантра продолжает ряд исследований, посвященных проблематике паломничества в колониальный период, и будет интересна как исследователям имперской истории, так и специалистам по истории Ближнего Востока и Магриба.

REFERENCES

- Прусская Е.А.* Хадж в североафриканских колониальных владениях Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М, 2019. С. 172-188. [Prusskaya E. Hadzh v severoafrikanskih kolonial'nyh vladenijah Francii konca XVIII – pervoj poloviny XIX vv. // Francuzskij ezhegodnik 2019: Epoha Napoleona i pamjat' o nej. M, 2019. S. 172-188].
- Chantre L.* Pèlerinages d'empire. Une histoire européenne du pèlerinage à La Mecque. Paris: Editions de la Sorbonne, 2018.
- Tagliacozzo E.* The Longest Journey: Southeast Asians and the Pilgrimage to Mecca. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Mishra, Saurabh.* Pilgrimage, Politics and Pestilence: The Haj from the Indian Subcontinent, 1860-1920. New Delhi: Oxford University press, 2011.
- Kane E.* Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Cornell: Cornell press, 2015.
- Slight J.* The British Empire and the Hajj. Harvard: Harvard University press, 2015.
- The Hajj and Europe in the Age of Empire / Ed. Umar Ryad. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- The Hajj: Pilgrimage in Islam / Ed. by E. Tagliacozzo, Shawkat M. Toorawa. New York: Cambridge University press, 2016.